

АННА
ДАШЕВСКАЯ

ЛитРес:

Победитель детективного
конкурса «Со слов очевидцев»

ТИХИЙ МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД

Анна Дашевская

Тихий маленький город

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67063335

Тихий маленький город:

Аннотация

Гололёд. Поток движения. Выскочившая откуда-то собака. Ты выворачиваешь руль, и твоя жизнь делает такой крутой поворот, который нельзя предугадать.

Анастасия Шахова после развода неожиданно для всех, даже для себя, уезжает из Москвы жить в маленький городок Кириллов. Живёт тихо, продолжает дело местной травницы и знахарки, от которой унаследовала дом, работает фельдшером в местной больнице – обычная серая жизнь. Кому она интересна?

Оказывается, многим.

Начиная со следователя убойного отдела, допрашивающего её по поводу найденного трупа, и заканчивая новой женой её бывшего мужа.

Но это бы всё ничего... вот только по ночам странные вещи происходят в тихом Кириллове, тени сгущаются под старым мостом через овраг, и всё чаще приходится Анастасии открывать загадочную тетрадку под коротким названием «Твари»...

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	33
Часть 3	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Анна Дашевская

Тихий маленький город

Часть 1

Лодочник

Положив в корзину последний пучок травы, я разогнулась и потёрла спину.

Да, пора заканчивать: предрассветные сумерки сменились ясным утром. Солнце мне не было видно за высокими деревьями, но оно уже встало, а значит, время сбора травы истекло.

Вот и хорошо. Дома разложу всё, что набрала, пусть сохнет, а сама посплю ещё пару часов, сегодня можно. Первое мая, выходной у всех. Ну, кому Первомай, а кому Белтайн; я вот точно знаю, что травы, собранные сегодня в час перед рассветом, будут особенно сильными. Потому и поднялась в три часа ночи, чтобы в половине четвёртого начать.

Я зевнула, чуть челюсть не вывихнула, и потихоньку пошла вверх по склону оврага.

Вот уже видна крыша моего дома, ещё несколько шагов по дороге – и калитка. Я ещё раз зевнула, потёрла глаза свободной рукой и чуть не упала, споткнувшись... О чью-то но-

гу? Господи, неужели сюда забрёл какой-то пьяный и улёгся спать в моём боярышнике?

Ох, нет, похоже, всё гораздо хуже...

Мужчина лежал ничком, и на правом боку по его одежде расплывалось кровавое пятно. Похоже, это был удар в печень, а добраться до неё куда легче, чем до сердца, рёбра не защищают. Нужно всего лишь знать, куда бить... Судя по всему, тут бил знаток. Сильное кровотечение, вот след ведёт вниз, к пристани, и наверняка есть внутреннее. У лежащего есть шанс, если прошло немного времени.

Я опустила на колени рядом с телом и приложила пальцы к его горлу – вроде есть пульс? Или нет? Пальцы замёрзли, ничего не чувствую...

Нет, пульса не было.

Поздравляю тебя, Анастасия Александровна, ты нашла труп.

Секунд тридцать я малодушно обдумывала отличную идею немедленно уйти, закрыться дома и лечь спать. Ну, в самом деле: пять утра, первое мая, выходной – кто меня видит? Вдохнула, вытянула из кармана ветровки телефон и ткнула пальцем в номер участкового.

После десятого гудка трубку сняли. Отодвинув аппарат от уха, я переждала поток отборного мата, потом вежливо сказала:

– Доброе утро, Михаил Матвеевич!

– И тебе не хворать, Анастасия! Что случилось?

Я кратко отчиталась, участковый так же кратко ответил:
– ...! Сейчас буду! Скорую вызывай! – и отключился, не прощаясь.

А и в самом деле, чего прощаться, когда вот-вот снова встретимся?

Тарахтение мотоцикла я услышала минут через десять, так что успела занести в дом корзину с травами и поставить в холодную кладовую. Для себя я вынесла из прихожей стул, уселась поудобнее и даже несколько минут подремала.

Мотоцикл подкатил ко мне. Участковый стянул шлем и спросил:

– Что скорая?

– Едут.

Ближайшая подстанция была в Ростиславле, тридцать семь километров дороги. Нам обоим было известно, что это уже бессмысленно.

– Кто это, не опознала?

– Детективы смотрю по телевизору, Михал Матвейч, знаю, что трогать ничего нельзя.

– А он точно... того?

– Пульса я не нащупала.

– Ну да, ну да, кому и знать, как не тебе...

Михаил Матвеевич обошёл вокруг тела, присел на корточки – с трудом, участковый у нас мужчина немолодой и корпулентный, в теле – осторожно приподнял голову лежащего и заглянул в лицо.

– Плохо дело, Настя, – сказал он, отряхивая руки. – Знаешь, кто это?

– Откуда ж?

– Санька. Санька-лодочник.

Я присвистнула: Александр Бухвостов, перевозивший на своей моторке всех, кому нужно было срочно попасть с правого берега Волги на левый, был известен всему городу неуступчивым характером и строгими принципами. Он не курил, не пил и капли спиртного даже в праздники, и ничего не делал даром.

– Получается, не в драке и не по пьяни его зарезали, так, Михаил Матвеевич?

– Вот именно, Настя, вот именно. Ох, грехи наши тяжкие...

– Пуда полтора, – привычно откликнулась я.

Ну а что? И бабушка моя так говорила, несмотря на высшее художественное образование и тщательно скрываемое дворянское происхождение.

Тем временем участковый набрал короткий номер и вызвал бригаду из убойного отдела. Потом повернулся ко мне и спросил:

– А скажи мне, Настя, что ты тут делала в такое время?

– За травой ходила, – честно ответила я. – Горицвет и цветы кошачьей лапки по росе собирать надо, иначе толку от них не будет.

– Горицвет, значит... Ну-ну...

– Михал Матвейч, а можно, я домой пока пойду? Спать хочется – сил нет.

– Сиди! Ты свидетель.

– Да какой я свидетель? Я находитель! Вы ж знаете, никуда я не денусь, вот я, вот мой дом, вон окошко спальни. Как понадобится, так и позовёте.

Не слушая возражений, я ушла к себе. Легла, не раздеваясь, поверх одеяла, прикрылась пледом и выключилась.

Не знаю уж, что говорил сотрудникам скорой и полицейским наш участковый, но, когда он меня разбудил, было почти восемь часов утра. Чувствовала я себя вполне бодро, так что влезла в кроссовки и вышла на улицу. На нашей улице стояли две машины, полицейский «опель» и частный жигуль-девятка. Тело уже увезли, слава богу – не то чтоб я боялась мертвецов, я в медицинском училась, но лучше пусть они не лежат под моим боярышником.

– Шахова Анастасия Александровна? – спросил молодой человек в штатском.

– Да, это я.

– Оперативно-розыскной отдел, старший лейтенант Сосницкий, паспорт ваш можно попросить? – выпалил он единым духом.

– Попросите, – разрешила я.

Старший лейтенант хмыкнул и исправился:

– Принесите, пожалуйста, ваш паспорт.

Сфотографировал первую страницу, раскрыл на прописке

и вздёрнул брови:

– Десять лет прожили в Москве, до этого в Питере были прописаны, а теперь у нас?

– Так получилось, – пожалала я плечами.

Не собиралась никому рассказывать, почему получилось именно так, а не иначе. Место жительства выбирала не я, вот почему. Иначе бы и в голову мне не пришло поселиться в городе Кириллове...

* * *

Да, Сосницкий не ошибся, родилась я в Санкт-Петербурге, жила вместе с мамой в старом доме на Кировной, закончила соседнюю школу и поступила в медицинский. Сама поступила, с первого раза, на бесплатное отделение! А когда сдала сессию за четвёртый курс, в моей жизни, до того момента ровной и беспечальной, произошло два события: умерла мама, и я познакомилась с Максимом.

Мама сгорела в три дня от неведомой болезни, и медики, мои почти коллеги, так и не смогли установить, что же это было. Во вторник мама пришла домой с работы, она была научным сотрудником Эрмитажа, мы вместе отметили последний сданный мною экзамен, а утром она уже не смогла подняться с постели.

С Максом я столкнулась неделей раньше, выходя после экзамена по хирургическим болезням. Потом я узнала, что

он приезжал к нашему ректору, какие-то дела они вместе крутили, а тогда... Он был красивым, с белоснежной улыбкой, и ухаживал красиво, и я уже почти собралась познакомиться его с мамой.

Три страшных дня, пока она лежала в Мариинской больнице, а врачи пытались поставить диагноз, Макс был со мной рядом. И не только держал за руку: он оплатил отдельную палату и все платные обследования, привозил какие-то редкие лекарства, звонил и договаривался с клиником в Швейцарии.

Ничего не помогло.

Я была в состоянии ступора, и похоронами тоже занимался Максим. А потом запихнул меня в самолёт и увёз в Москву.

В конце лета мы поженились.

Мы с Максимом прожили вместе десять лет. Всякое было, и хорошее, и плохое, хотя хорошего всё-таки больше. В этой самой нашей жизни было только два «не», но каждое весило как чугунная гиря: у нас не было детей, и я так и не закончила институт. Зато научилась отдыхать на экзотических островах и бродить по тосканским городкам, носить дорогую одежду, вспомнила английский и выучила французский, водила машину – вначале джип, для безопасности, потом Мерседес, потом БМВ.

Вот на БМВ я и попала в аварию.

Ничего удивительного: середина января, снег пополам с

дождём и нулевая видимость, дорога как каток... Даже не помню уже, куда я ехала. Тогда казалось, что это очень важное дело, а теперь – не помню. Откуда-то из-за павильона остановки выскочила собака, я автоматически повернула руль, и – здравствуй, столб, прощай, БМВ, привет, кома!

Как выяснилось потом, много позже, никаких внешних или внутренних повреждений на мне не обнаружили. Одна-единственная царапина на левой руке жизни и здоровью явно не угрожала. Тем не менее, в себя я не пришла ни на второй день, ни через неделю, ни через месяц.

С середины января по третье марта я лежала на больничной койке, утыканная иголками и окружённая пищащими и мигающими аппаратами; Макс не пожалел денег, и у меня было всё. Вот только вывести меня из комы не получалось. Да, собственно, никто не знает, как это делать, поскольку никому достоверно не известно, что именно происходит внутри мозга. Этаким чёрный ящик, на вход подали информацию, на выходе получили реакцию, а что внутри? Известно только великому физиологу Павлову, и то потому, что он уже на том свете.

Но я совершенно точно знаю, что все эти полтора месяца я жила чужую жизнь. Нет, не так – я и была этой женщиной, Агнией Николаевной Апраксиной, восьмидесяти шести лет отроду. Вставала утром с её высокой никелированной кровати с высокими столбиками, делала гимнастику, пила травяной чай, проверяла травы и настойки в отдельной комна-

те, каждый день мыла весь дом, а по пятницам устраивала генеральную уборку.

Господи, да за десять лет жизни с Максом я успела напроць забыть, как моют полы, ходят за покупками и варят суп, всё это делали домработница и повар!

А ещё очень быстро я узнала, что стала ведьмой.

Это было удобно: ни одна из соседок не смела не то, чтобы спорить с Агнией Николаевной – в спину гадость прошипеть. В эту неизменно прямую, не согнутую годами спину.

Конечно, официально она называлась травницей, и ею была. Сама собирала растения в должное время, сама сушила, перетирала, настаивала, смешивала... Но ещё умела и кровь затворить, и зубную боль снять (стоматолог в городе Кириллове был такой, что лучше утопиться, чем к нему в руки попасть), и роды принять, и сорванную поясницу поправить. Могла Агния Николаевна и приворот-отворот сделать, но не хотела, и не делала никогда. К ней с этим и не совались.

Ну вот, а потом она умерла. Третьего марта в половине девятого утра Агния Николаевна Апраксина отложила пестик, которым растирала сушёную мяту, пересыпала траву в банку с притёртой пробкой и всё убрала по местам. Потом, глядя в окно на сугроб, уже переползающий через подоконник, сказала вслух:

– Ты вот что, милая, когда сюда приедешь, говори всем, что ты моя внучка. Или даже лучше – правнучка. Завещание на тебя я напишу и на столе оставлю, так что будешь в своём

праве. Я хорошо здесь жила, и ты будешь не хуже. Моя сила – твоя сила, моё право – твоё право, оставляю тебе всё, и ответственность на тебе.

Это мне? Значит, она знает, что я – там, то есть, тут, в её голове?

Как это?

Агния Николаевна переоделась, легла поверх одеяла и начала бормотать молитву. Как обычно, в этот момент я отвлеклась, никак не получалось воспринимать всерьёз её религиозность. За окном повалил снег, мартовский, большими мокрыми хлопьями. На ветку у самого окна села крупная птица с красной грудкой – снегирь? Тут старуха резко вздохнула, опустила веки, пряча от меня сугроб, снегопад и птицу...

И я пришла в себя уже в больничной палате, среди мерно мигающих аппаратов.

Меня посмотрели по очереди пять врачей, сёстры измерили давление, сахар, уровень кислорода и бог знает что ещё, напоили горячим бульоном и оставили в покое. Отдыхай, мол – можно подумать, предыдущие полтора месяца я перерабатывала! Последняя из девушек задержалась в палате, что-то убирая, и, когда её коллеги скрылись за дверью, шепнула:

– Твоего мужа зовут Максим?

– Да.

– Не удивляйся, будь готова – он успел с тобой развестись.

Я услышала, когда он по телефону разговаривал.

– Зачем ты мне это говоришь? – горло болело, но за время комы я намолчалась.

– Лучше такое знать, чем получить внезапно на голову ушат помоев. Скажешь, нет?

– Спасибо, – я закрыла глаза, чтобы она ушла поскорее, но потом вспомнила, что не выяснила одну важную вещь. – Постой, какое сегодня число?

– Третье марта.

– И во сколько я очнулась?

– В девять утра.

– Спасибо, – повторила я и зажмурилась уже окончательно.

Чуть слышно хлопнула дверь, девушка ушла.

Надо же, сколько всего произошло, пока меня не было...

Вспомнив стишок откуда-то из детства «Пальмы без меня заглохнут, розы без меня засохнут...», я невольно хихикнула. А и в самом деле: думаешь, что без тебя мир остановится, реки пересохнут, и трава расти не будет, ан нет – всё крутится, как и раньше.

Значит, Максим со мной развёлся...

Быстро он. Прислушалась к себе, пытаюсь определить, что я чувствую. И с изумлением поняла: ничего. То есть, мне совершенно не хочется, чтобы этот человек меня обнимал, со мной завтракал и ходил в гости. Боже, как же хорошо, что мы детей не завели!

Конечно, с деньгами будет туговато, я привыкла ни в чём себе не отказывать. Ну, ничего – как привыкла, так и отвыкну. Не пропаду. Я закончила четыре курса медицинского, значит, фельдшером могу работать.

Правда, во весь рост встаёт вопрос: а жить где? В Питер вернуться?

Постойте-ка, а ведь старуха обещала оставить на моё имя завещание... Как там она говорила? «Завещание напишу и на столе оставлю, будешь в своём праве». Отлично, теперь знать бы, где этот самый стол...

Тут перед моим внутренним взором всплыло письмо на имя Агнии Николаевны Апраксиной. Какой-то официальный белый конверт, из мэрии, что ли? На конверте чётко напечатанный адрес: город Кириллов Ростиславской области, улица Волжская Набережная, дом девять.

Отлично.

Уж неделю-то меня здесь точно продержат, за это время нужно выяснить хотя бы, как туда добираться, это план минимум. План максимум – получить с бывшего мужа какое-то количество денег и машину, лучше что-то вроде «Нивы». Тут я вспомнила «Лендровер», на котором ездила какое-то время, и ностальгически вздохнула. Нет уж, Анастасия Александровна, надо быть проще. Ремонтировать «Лендровер» в городе Кириллове вряд ли легко, и уж точно недёшево...

Вот интересно, с чего мой дорогой муженёк начнёт разго-

вор о разводе?

* * *

Макс появился на следующее утро.

Присел на краешек кровати, взял меня за руку, погладил:

– Какая ты стала... прозрачная.

– Однообразное питание, знаешь ли, – хмыкнула я. –

Внутривенное. Ничего, отъемся. Зато какое-то время можно будет не думать об излишнем весе.

– Это уж точно, – хохотнул он. – Давай закажу чего-нибудь, что ты любишь, тебе будут привозить. Тебе же всё можно?

– Абсолютно. Спасибо.

«Не буду облегчать тебе задачу, – думала я, разглядывая бывшего мужа сквозь опущенные ресницы. – Поскольку поменять уже ничего невозможно, остаётся расслабиться и получить удовольствие от процесса».

– Что-то ты молчалива, даже не спросишь, как я жил без тебя?

– Как ты жил без меня? – послушно повторила я.

– Плохо! Представь себе, как я испугался, когда ты попала в аварию! Скольких врачей приглашал, когда стало понятно, что ты не приходишь в себя, хотя повреждений никаких нет. И вообще, ужасно тяжело без тебя было... Все спрашивают, что случилось, сочувствуют, а я и сам не знаю, на каком я

свете! Кстати, мне тут премию вручали «Предприниматель года», на церемонию полагалось приходиться со спутницей, а ты... вот тут, – он обвёл рукой палату.

– Сочувствую, – пробормотала я.

«Вот интересно, пострадала я, а ты мне рассказываешь, как плохо было тебе, – думала я лениво. – И кто же с тобой пошёл на эту церемонию? Небось, в моих изумрудах дама ходила? Н-да, похоже, в грядущую мою жизнь изумруды не вписываются никак. Ну и чёрт с ними».

– Стася...

Но тут у Макса зазвонил телефон, он выслушал, что ему говорили, произнося только «Да» и «Нет», отключился и сунул аппарат в карман.

– Прости, дорогая, труба зовёт. Я завтра постараюсь приехать!

И он выскочил за дверь почти бегом.

Наутро, после очередного обследования на всех возможных аппаратах, у меня появился новый гость: господин Шарканов Ян Валерьевич, адвокат Макса. И пришёл он не с пустыми руками, а с информацией и с подробным соглашением. Ну, информация новостью для меня не стала, то, что я теперь брошенная жена, мы уже пережили. Но для порядка, разумеется, сыграла драму, изобразив всё, что могла придумать на эту тему: лёгкий обморок, сползающую по щеке одинокую слезу, скомканный платочек...

Аж само стало подташнивать от этой сахарной ваты.

А вот соглашение – это важно, это моя дальнейшая жизнь. И я сейчас буду торговаться так, что продавцы рыбы на одесском Привозе позавидуют.

На восьми страницах этого документа было старательно прописано, чего хотят от меня: отказаться от всех претензий на имущество, имя, торговую марку, счета, наследство... короче, от всего. Точка. Одна страница была посвящена тому, что я получу: квартира в Питере, оплата обучения на двух последних курсах медицинского института по моему выбору, счет в банке на полмиллиона. Ну, гуманно, что уж. Мог бы и в Балашихе поселить, или там на проспекте Обуховской обороны, где уличные грабежи даже для статистики считать перестали.

Внимательно прочитав текст соглашения, я положила его рядом с собой на кровати и сладко улыбнулась.

– Дорогой Ян Валерьевич, спасибо вам! Вот я читаю это, и сразу понимаю, как вы мне сочувствовали, как переживали за моё будущее!

– Ну, Анастасия, а как же иначе? – сахарную улыбку мне вернули с процентами. – Не чужие люди! Так что, всё в порядке, подписываем?

– Да вы знаете, всё практически идеально, только некоторые пункты хотелось бы слегка поменять. Вот, например, оплата двух последних курсов – это прекрасно, а ординатура как же? Я точно знаю, что сейчас это стоит совершенно

неподъёмных для обычного человека денег!

– Это разумно, – кивнул с довольным видом Шарканов. – Хорошо, оплату ординатуры я внесу в документ, на это моих полномочий хватает.

Котик ты мой, ты думаешь, это всё? Нет, танцы только начинаются...

– Далее... Квартира в Питере. А почему не в Москве?

– Это не обсуждается, – прервал меня сразу подобравшийся адвокат. – Любой город, кроме Москвы.

– Тогда я бы хотела выбрать сама. Может, я решу в Сочи переехать? Или куда-нибудь в Сибирь?

– И как вы предлагаете это обставить?

– Положив на мой счёт сумму, равную стоимости квартиры в Питере, – пожала я плечами. – Надо думать, Макс за десять лет успел оценить мою разумность в финансовых вопросах.

В общем, из этого сражения мы оба вышли с уверенностью, что противник был облапошен: я знала, что добилась всего, чего хотела на самом деле, а Шарканов не вышел за пределы оговорённой сметы.

* * *

Выписали меня одиннадцатого марта, через восемь дней после выхода из комы. Макса я больше не видела.

И не жалела об этом.

За эти дни, пока меня обследовали и качали головами с умными лицами, я сделала многое. Почти всё, что планировала.

Подобрала несколько вариантов подходящих мне машин и определила места, где можно их посмотреть, пройти тест-драйв и довести до ума, добавив нужные мне детали и возможности.

Заказала на две ночи номер в гостинице в центре Москвы. Больше я не жена миллионера, мне вполне подошёл недорогой «Будапешт». Полагаю, этого времени должно хватить, чтобы сделать всё необходимое, а если нет, я могу и переехать куда-нибудь ещё на два дня.

Паранойя, скажете?

Да нет, просто я десять лет была замужем, и хорошо знаю, на какие выверты способно воображение моего бывшего.

Запросила в институте недостающие документы: да, я собираюсь работать фельдшером в кирилловской городской больнице, и меня чрезвычайно радует эта возможность. Бумаги пообещали прислать в течение недели, и тут я задумалась – а куда слать-то?

В гостиницу? Так я оттуда рассчитываю съехать через два дня.

В Кириллов? Вот не хочется мне светить сразу этот адрес. Конечно, потом – довольно быстро, при желании – Макс узнает всё, но ведь надо, чтобы это желание появилось. Ну, и незачем раньше времени будить спящую собаку.

В результате я выбрала для доставки почтовое отделение в Ростиславле на Главном вокзале. Тридцать семь километров от Кириллова я на машине как-нибудь осилю.

Нашла нотариуса рядом с гостиницей, в Столешниковом переулке, и записалась на приём. Если сон был не совсем сном, значит, завещание на моё имя должно быть. А если так, оно должно быть зарегистрировано и нотариальной онлайн-системе.

И тут я упёрлась в то, о чем думать совсем не хотелось...

Смешно сказать, я строю свою будущую жизнь на снах. А если это был просто бред, воспалённый разум, сновидение – и только? Нет и не было в городе Кириллове никакой Агнии Николаевны Апраксиной, а в доме номер девять по Волжской набережной живёт большое семейство с бабками, детками и малыми правнуками, или наоборот – горюет горькую старый пьяница. Что, если так?

– Ну, и ладно. И пусть. Значит, куплю дом по соседству, и буду жить так, как решила, – вслух сказала я сама себе. – Две недели стану вживаться в местные реалии, потом устроюсь на работу в больницу, а тем временем решу, где буду учиться дальше. Хотя бы и в Ростиславле, почему нет? Правда, заочное обучение ни по одной врачебной специальности не прокатит, только очно. Это не наездишься каждый день. Но вот фармакология, кажется, допускает самостоятельное изучение теории... Буду узнавать.

Двенадцатого вечером я заперлась в своём номере в «Будапеште», откупила запасенную бутылку хорошего коньяка, налила полбокала и сказала вслух, глядя в зеркало:

– Вечная вам память, Агния Николаевна. Если правду говорят, и на девятый день после смерти душа отправляется в рай – ну, или на перерождение, кто во что верит, – то я желаю вам самой лёгкой дороги и самой лучшей новой жизни.

Наверное, это мне померещилось, но за моей спиной в зеркале промелькнула туманная тень, и будто лёгкая рука погладила по волосам.

– Живи, девочка, – прозвенело в ушах.

Господи, как же меня трясло, пока я, проехав Ростиславль, искала в навигаторе город Кириллов!

Я тащусь в невероятную дыру, где никто меня не ждёт.

Я рассчитываю жить в доме, оставленном мне по завещанию. О да, завещание и в самом деле есть, нотариус нашёл его в их профессиональной системе и зафиксировал мои претензии – но что я стану делать, если какие-нибудь соседи уже поселились в этом самом доме? Боже мой, да кто угодно: ближайшие соседи, цыганское семейство, бродяги или бомжи...

Я приеду в Кириллов в три часа дня и начну новую жизнь. С чего? С заселения? С визита к участковому? Со знакомства с соседями?

Заметив автозаправку, я съехала с дороги, приткнула ма-

шину в сторонке и отправилась выпить кофе.

Хватит метаться, другой дороги у меня нет. Идея насчёт участкового отличная, я и в самом деле начну с него.

Запланированные две недели на вживание мне не понадобились: дом будто меня вспомнил. Не глядя, я протягивала руку и брала чайник или салфетку, знала, как включать стиральную машину и у кого лучше покупать мясо. Память Агнии Николаевны была со мной.

Левобережной части города понадобился месяц, чтобы меня признать. Первым пришёл за мазью для поясницы сосед Иван Ксенофонович, буквально через час прибежала его жена Варвара за промыванием для глаз.

Так и пошло.

Ещё одно наследство от Агнии Николаевны – её тетрадь с записями – обнаружилось в рабочем кабинете, стерильно чистой комнате без окон, где рядами стояли флаконы с жидкостями, тихо урчал огромный холодильник, а два рабочих стола, лабораторный и письменный, казалось, ждали, чтобы я взялась за дело.

Я и взялась.

* * *

Ну, хватит воспоминаний, меня ещё ждёт беседа с дежурным следователем. Вон он, как раз закончил что-то писать

и с интересом посматривает в мою сторону. С участковым разговаривает, наверное, обо мне расспрашивает. Что ж, совесть моя чиста, да и Михаил Матвеевич дурного слова не скажет, он ко мне за травой тоже наведывался.

Следователь представился Егоровым Петром Григорьевичем, и я мысленно посочувствовала ему: человеку с таким количеством букв «Р» в фамилии, имени и отчестве живётся явно нелегко.

– Господин следователь, а пойдёмте в дом, там и сесть можно, и вам писать удобнее будет, – предложила я.

Мы прошли на кухню: в гостиной у меня только журнальный столик, а в рабочий кабинет я вообще никого не пускаю, да и сама полностью переодеваюсь, прежде чем войти.

– Итак, Анастасия Александровна, давайте быстренько ваши данные заполним? – сказал Егоров.

– Вообще-то, это всё есть у вашего лейтенанта Сосницкого, он мой паспорт фотографировал...

– А вы продиктуйте ещё раз, мне удобнее будет заполнить документ, – и он ласково улыбнулся.

У меня нехорошо зануло где-то под ложечкой. Цыкнув на внутренний голос, я продиктовала всё, что требовалось.

– Так, значит, вы работаете фельдшером в здешней городской больнице? И давно?

– С двадцать восьмого марта сего года.

– Месяц с небольшим, получается... И как вам у нас?

– Пока всё хорошо. Март переползли, апрель проскочил,

а уж с мая заживём!

– А дом этот вы, выходит, унаследовали от Агнии Николаевны Астаповой? Кем она вам приходилась, не скажете?

Ну, Пётр Григорьевич, на такие ошибки только второклассника ловить, и то заметит.

– Фамилия её была Апраксина, господин следователь. А кем приходилась... Трудно даже и сформулировать. Моя мама была Агнии Николаевне троюродной внучатой племянницей.

– Дальнее родство.

– Дальнее, – согласилась я, и замолчала.

Егоров полистал свои записи и снова посмотрел на меня.

Вот странно, вроде красивый мужик: дать ему выспаться и накормить хорошенько, будет не хуже любого австралийского пожарного с календаря. А я смотрю в его серые глаза, и хочется от него сбежать, хотя никакой моей вины ни в чём нет.

– Скажите, Анастасия Александровна, а погибшего вы хорошо знали?

– Я его вообще не знала.

– Как так? Вы вот и имя его называли... Город у вас небольшой, вроде все со всеми знакомы.

– Имя мне известно, потому как он был в какой-то степени городской легендой. Непьющий лодочник, ха! Но я с Бухвостовым ни разу даже не разговаривала.

– Почему?

– Да не о чем было, – я пожалала плечами. – Он ко мне не приходил, поскольку был, по слухам, человеком здоровым. Я его лодкой не пользовалась, так как в правобережную часть города ездила всего дважды, и оба раза – на пароме. Мне эти лодочки кажутся просто страшными!

– Вы имеете в виду, что он был здоровым человеком и не приходил к вам в городскую больницу?

– Нет, я о другом. Да вам, наверное, участковый наш сказал – я травница. Ко мне многие обращаются, кому настойку для поясницы, кому валериану...

– Да? А лицензия у вас есть?

Ну точно, под меня копает...

– Насколько мне известно, Статья пятьдесят шестая Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан определяет, что право на занятие частной медицинской практикой имеют лица, получившие диплом о высшем или среднем медицинском образовании. Я закончила четыре курса медицинского, то есть, получила среднее медицинское образование, и имею право на работу фельдшером, что, собственно говоря, и исполняю. А сбор и продажа лекарственных трав даже и не является частной практикой. Это индивидуальное предпринимательство, а в таком качестве я зарегистрирована.

«Съел?» – злобно подумала я, глядя, как на лице следователя проступает отвращение пополам с уважением.

– Хорошо, Анастасия Александровна, я понял, вы ко все-

му готовы. Может, у вас и кассовый аппарат есть?

– Есть. Хотите посмотреть?

– Нет, бог с ним. Давайте вернёмся к лодке и лодочнику.

Значит, вы дважды добирались на тот берег паромом. Так?

– Так. Туда и обратно.

– А на машине не проще было? Я знаю, что у вас она есть.

– Пётр Григорьевич, вы шутите? Паром идёт от берега до берега десять минут. До моста здесь... Ну, или тридцать семь километров до Ростиславля, или почти пятьдесят до Осетровска. Вы что предпочли бы?

– Понятно. А зачем, если не секрет, вам понадобилось на правый берег?

– В церковь сходить, на исповедь.

Да, память Агнии Николаевны подсказала, что мне, травнице, надо проявлять религиозное рвение куда сильнее, чем какой-нибудь бабке Марьяне. И в самом деле, я дважды была на исповеди, и молилась, всё как положено.

– А что, на этой стороне церкви нет? – продолжал допрос следователь.

Я глубоко вздохнула и долго выдыхала. Хотелось взять каменную ступку и тяпнуть этого красавчика по его высокому лбу. Или в лоб.

– Пётр Григорьевич, вы меня всё-таки заставили встать! Идёмте!

– Куда?

– Идём-идём. Вы глазами посмотрите, – я рывком распах-

нула дверь дома и пошла к калитке. – Вы же из Ростиславля?

– Да, в вашем Кириллове держать убойный отдел не нужно, здесь такие страсти кипят редко.

– Слава богу, – буркнула я, остывая.

– Слава богу, – согласился следователь.

Мы остановились на так называемой набережной, а вообще-то дороге – грунтовке, честно говоря. Это сейчас, к началу мая, она подсохла, а месяц назад представляла собою топь непролазную, без резиновых сапог из дому выходить было нельзя. Счастье, что я себе купила-таки «Ниву», до работы, в магазин или ещё за чем-нибудь только на ней и добиралась...

– Итак, Пётр Григорьевич, посмотрите направо, против течения Волги, – на всякий случай я показала рукой, куда именно смотреть; следователь послушно туда повернулся. – Вот это называется Волжская набережная. За спиной у нас Большой овраг, а если мы пойдём по этой, с позволения сказать, набережной, то упрёмся в овраг Малый. Он такой же длинный, почти два километра, но чуть поуже. Пока всё понятно в смысле топографии местности?

– Пока да, – хмыкнул Егоров.

– Если во-он там, – я снова ткнула пальцем, – перед Малым оврагом, мы повернём налево, к реке, и спустимся вниз, то выйдем к Казанско-Преображенской церкви. Восемнадцатый век, не хвост собачий, памятник федерального значения. Считается действующей, только священник в ней был за два месяца один раз, и то – только в летнем храме. А у

меня дежурства, сутки через трое, и мне ловить его недосуг.

– Понятно.

– Теперь давайте поглядим в другую сторону, – и я развернулась на сто восемьдесят градусов, вынуждая следователя повторить этот маневр. – Если мы с вами повернём за угол и пойдём вдоль Большого оврага – эта тропочка, между прочим, называется Первая Овражная улица, такая вот неожиданность – то метров через шестьсот – семьсот дойдём до мостика. Красивый мостик, каменный. Арочный, как в Италии. Пересечём по нему овраг, ещё метров пятьсот пройдем – и будет нам с вами Крестовоздвиженский собор. Замечательный собор – семнадцатый век, первое в городе каменное сооружение. Построен на месте старых городских валов, фрески – умереть какие. Посмотреть на фрески можно хоть сейчас, а службы за всё время, что я здесь, не проводили ни разу.

– Я понял, понял, – замахал руками Егоров. – Конечно, вам проще туда...

И он кивнул в сторону противоположного берега Волги.

– Проще, – согласилась я. – Ладно, считайте, я вам экскурсию провела. Вернёмся в дом, что-то ветерок холодный подул.

На кухне следователь сел дописывать свои бумажки, а я поставила на плиту чайник. Потом посмотрела на замученное лицо мужчины, мысленно плюнула на принципы и полезла в холодильник. Холодная отварная говядина, хрен, ма-

ринованный огурчик, домашний хлеб, большая чашка чая...

Как, оказывается, немного человеку нужно для счастья!

Пока Пётр Григорьевич ел, я пила потихоньку чай и рассуждала вслух:

– Вообще говоря, покойный Бухвостов, он же Санька-лодочник, самый неподходящий для убийства человек.

– Почему? – сквозь бутерброд спросил следователь.

– Потому что на первый взгляд, убивать его не за что. Я ж говорила, он не пил, не курил, не шляется, не давал денег в долг и вроде бы ни с кем из остальных лодочников не приятельствовал.

– А откуда вы знаете, если знакомы с ним не были?

– У меня соседи есть, – хмыкнула я. – Вон, через дом от меня по Первой Овражной бабка Марьяна живёт, так она может про остальных рассказывать с рассвета до заката без перерыва на обед. Надо только уметь отделять её выдумки от правды.

– А вы умеете?

– Ну, процентов на семьдесят, – самокритично признала я. – Но на Саньку она мне жаловалась регулярно, поскольку он отказывался ей делать пенсионерскую скидку на проезд, то есть, проплыв на его лодочке. А уж от жадности до других его недостатков было рукой подать. И вы ж понимаете, она такая не одна. У нас тут жизнь деревенская, хотя и числимся городом. Но не об этом речь, просто никого не убивают из-за сорока рублей, или сколько он там брал за перевоз. Зна-

чит, или Бухвостов ввязался во что-то незаконное... И это вы легко вычислите, кстати, у нас не «коза nostra», люди всё незамысловатые. Или...

Тут я задумалась.

– Или? – поторопил меня гость.

– Он мог что-то услышать, – сказала я медленно. – Над водой звук разносится о-го-го как, особенно утром и вечером. А Бухвостов нередко работал в такое время, когда уже и паромная переправа закрыта, и другие лодочники разошлись.

– Очень интересная идея, – серьёзно поговорил следователь. – Очень. Как бы ещё узнать, что и от кого он мог слышать?

Егоров доел последний огурчик и поднялся.

– Спасибо вам, Анастасия Александровна. Ещё раз прошу прощения за то, что так вас донимал. Честно говоря, просто стало любопытно, зачем к нам прилетела такая столичная птица.

– Узнали?

– Нет. Птица пела, да как-то всё о другом. Всего вам доброго, госпожа Шахова.

– И вам не хворать.

Я проводила следователя до калитки и закинула в петлю крючок.

– Собаку вам надо завести, – сказал вдруг Егоров.

– Суточные дежурства, – напомнила я.

– Да, я и забыл... Ну, прощайте.

«Не кажи гоп!», подумала я, поворачиваясь, когда снова услышала за спиной тот же голос. Красивый, кстати, голос, такой бархатный и с хрипотцой.

– А перепутать его ни с кем не могли?

– Бухвостова? С чего бы это? – удивилась я.

– Темно ж ещё было!

– Нет, хмарь стояла, предутренние сумерки. Но я траву собирала, и легко отличала одно растение от другого, значит, света было достаточно.

– Понятно...

И Пётр Григорьевич Егоров пошёл к машине.

Часть 2

Подполковник

Дежурить мне предстояло второго мая – то еще удовольствие, говоря честно. Накануне, в праздничный день, народ использовал возможность повеселиться от души. Шло веселье обычно по накатанной программе: национальные напитки и угощение – напитки закончились, и храбрецы отправились на добычу новой порции – напитки добыты, употреблены, выплёскиваются из ушей – душа требует разгула и драки.

Вот результаты разгула нам и привозили поутру.

Синяки и шишки в счёт не шли, но было несколько переломов, три сотрясения, сломанная челюсть и даже два ножевых ранения. Последнее мне сильно не понравилось: просто так за холодное оружие не берутся, а учитывая недавний труп... Никто такой перспективе не обрадовался, но надо о ранениях было сообщать в полицию. Мы позвонили участковому Михаилу Матвеевичу, и машина завертелась.

Форма, размер, место нанесения обоих повреждений не совпадали с фатальным ранением лодочника, так что, слава богу, это была обычная пьяная ссора. Ну, скорее всего. Надо добавить, что наши пострадавшие были в состоянии полной невменяемости, и совершенно не помнили, кто же был на другом конце ножа.

Впрочем, это уже было не моё дело, и я занялась обычной работой.

Утром, когда я вышла в больничный двор, показалось, что мы вернулись куда-то в март. Дул пронизывающий ветер, тучи неслись с такой скоростью, словно за ними гнались небесные волки. Дождь, видимо, вот только что закончился, и я порадовалась, что приехала на машине – распутица на нашей «набережной» возникала моментально.

По дороге я притормозила у городского парка и внимательно рассмотрела давно взятый на заметку куст черёмухи: похоже было, что она собирается вот-вот зацвести. Ну, вот вам и похолодание... Теперь хорошо бы ещё совпал момент цветения с луной хотя бы в последней четверти, и у меня будет замечательный компонент для доброго десятка смесей и настоев.

Конечно, можно собрать эти белые кисти с одуряющим запахом и просто так, хоть бы и днём, и всё равно настойка пойдёт для промывания ран и даже для лечения пролежней, а черёмуховая вода после перегонки – для примочек на глаза. Но вот цветы черёмухи, собранные в лунную ночь – это совсем, совсем другое дело...

В тетради Агнии Николаевны ясно было написано: «каждую сорванную кисть нужно хоть несколько секунд подержать под лунным светом, используя соответствующий наговор. Тогда та же настойка уже может использоваться для ле-

чения серьёзных случаев экземы, псориаза, заживления глубоких ран, в том числе с начинающимся сепсисом»...

* * *

Черёмуха зацвела четвёртого мая.

Ночное светило вошло в последнюю четверть и, к счастью, ничем заслонено не было, тучи разошлись ещё ранним вечером. К полуночи луна поднялась достаточно высоко, и я решила, что можно отправляться на добычу.

Календарь сообщал, что освещённость составит пятьдесят пять процентов.

– Мало, конечно, – пробормотала я, всовывая ноги в резиновые сапоги. – Но всё-таки больше половины. Подержу кисти на свету не пять секунд, а десять, должно хватить.

Так, плотная тёмная куртка, перчатки, шапочка... Мне вовсе не хочется потом из мокрых волос вычёсывать веточки и лепестки! Выскользнув за дверь, я пробормотала заклятие, и замок подёрнулся льдом. Теперь открыть его смогу только я сама... ну, или мой наследник после моей смерти. Тут я поплевала через левое плечо, потому как не обо всём стоит думать лунной майской ночью.

Соловьи пели так, что слёзы наворачивались...

Самые пышные кусты черёмухи росли в Малом овраге, и там как раз цветы только-только раскрылись. Я аккуратно срывала белые кисти, складывала их в широкую корзину сло-

ями и каждый раз выставляла на самое ярко освещённое место. Корзина была уже почти полна, когда сквозь соловьиные трели до меня донёлся неожиданный звук: мужские голоса. Даже не задумавшись, я утянула корзину в кусты, спряталась в густую тень сама и натянула на лицо воротник куртки.

Мимо оврага в сторону реки шли трое. Первого я срисовала по фигуре, это был ещё один лодочник, коллега покойного Бухвостова, громила ростом метра два, и с плечами, словно у профессионального борца. Когда на лицо второму упал свет, с немалым удивлением я узнала в нём здешнего начальника отделения полиции, кажется, Афанасьева. Подполковника. Или майора?

Какая разница!

Будь он хоть генералом: что здесь делать местному менту – ночью, на берегу реки и в такой сомнительной компании?

Третий... Не уверена, но мне показалось, что и он мне знаком, но вот когда и где я его видела, одному богу известно. Впрочем, Кириллов – городок небольшой, где-то да пересечёмся.

Мужчины меж тем прошла мимо меня и начала спускаться к Казанско-Преображенской церкви.

– Всё страньше и страньше, – прошептала я.

Тропинка была отлично освещена всё тем же лунным светом, который больше не казался мне романтическим и милым. Трое гуськом миновали колокольню и спустились ко входу в храм. Входная дверь была приоткрыта, и я успела

разглядеть, что внутри летней церкви довольно светло, и это не нормальные лампы и не какие-то церковные светильники. Свет колебался от сквозняка, и я почти уверена, что это были свечи.

Ну не факелы же?

Тут громила-лодочник оглянулся, и я поспешила снова спрятаться в кустах, чтобы не отсвечивать в лунном свете лицом. Не знаю, вошли ли они в церковь, и знать не хочу! С другой стороны, а куда там ещё идти? На берег Волги? Так есть гораздо более удобный спуск по лестнице, и он совсем рядом.

Нет, не нужно мне это всё, пусть делают что хотят, а мне домой пора.

Когда всё стихло, я выждала ещё несколько минут, подхватила корзину и во всю прыть припустила к дому. Только закрыв за собой дверь и прислонившись к ней изнутри, сумела перевести дух и пробормотать:

– Боже ж ты мой, да что тут творится?

Прежде чем лечь спать, я разложила черёмуховые кисти на просушку. Потом взяла в кладовке большой пакет с солью и насыпала дорожки перед дверью и всеми окнами, читая слова, оставленные мне в наследство Агнией Николаевной. Совсем небольшое колдовство, крохотное, но я буду спать спокойно, уверенная, что никого чужого без моей воли оно в дом не впустит.

Утром меня разбудил стук в дверь.

Секунду я полежала, приходя в себя, потом взглянула на часы: половина восьмого.

Ладно, если бы вчера меня заметил кто-то из участников непонятого собрания, то в двери заколотили бы куда раньше...

– Иду-иду! – крикнула, нашаривая ногой тапочки и набрасывая на плечи стёганный халат.

Посмотрела в глазок и опешила: на пороге стоял следователь Егоров.

– Здравствуйте! – я открыла дверь и не удержалась от зевка. – Прошу прощения, легла заполночь... Что-то случилось?

– Войти пригласите?

– Ну, надо полагать, вы не вампир и не зомби какой, так что милости просим, – ещё раз зевнув, я более или менее незаметно стёрла ногой часть соляной дорожки, отступила на шаг назад и развернулась в сторону спальни. – Идите на кухню, дорогу вы знаете, да чайник поставьте! Я сейчас.

Мне хватило минут пятнадцати, чтобы сбегать куда надо, почистить зубы, натянуть джинсы и домашнюю тёплую рубашку.

Незванный гость и в самом деле нашёл кухню, налил чайник и даже поставил на плиту турку. Втянув ноздрями аро-

мат кофе, я удовлетворённо кивнула и пошла к холодильнику.

Сливки, сыр, ветчина, масло... Старинная серебряная сахарница... банка с мёдом, горшочек с клубничным джемом...

Окинув взглядом стол, я спросила:

– Вы тростниковый сахар употребляете?

– Когда дают, – усмехнулся Егоров. – Так-то он дороговат для государственного служащего.

– Ну, тогда давайте завтракать, а потом вы мне расскажете, за каким лешим вам понадобилось выезжать из Ростиславля в шесть утра, чтобы постучать в мою дверь?

Допив последние капли кофе, следователь откинулся на спинку стула, смерил меня нечитаемым взглядом и спросил внезапно:

– Вы знакомы с руководством города Кириллова?

– Э-э-э... Ну, главврача больницы я знаю, конечно, – осторожно ответила я.

– Нет, я не о том. Мэр, его заместители, руководство полиции, церковное?..

– Видеть я, наверное, всех видела, а лично – нет, не знакома. А в чём дело, Пётр Григорьевич?

Он помолчал, потом, видимо решил, и бухнул, будто шагнул в холодную воду:

– Мне говорили, у вас есть особые способности. Есть?

Я подняла левую бровь:

– А что я волшебной мазью натираюсь и в печную трубу на метле вылетаю, не говорили?

– Намекали.

– Нет.

– Не вылетаете?

– И способностей особых нет. Есть знания и способность их усваивать. Это единственная настоящая ценность.

– Знания... А нет ли среди них умения отыскать пропавшего человека, Анастасия Александровна?

– Вы вот что, Пётр Григорьевич, расскажите мне, что случилось и откуда такая срочность, а я отвечу, смогу ли чем-нибудь помочь.

На самом деле, был в заветной тетради и заговор на поиск. Из любопытства я его попробовала, когда только приехала и изучала записи Агнии Николаевны: налила колодезной воды в особую миску, вроде бы даже серебряную, кое-чего туда насыпала, проговорила слова и имя... и полчаса наблюдала за жизнью бабки Марьяны. Потом плюнула, вылила воду и поставила галочку на этой строчке: да, могу.

– Исчез человек, – начал рассказывать следователь. – Поскольку его жена – дочь полковника юстиции Ковалёва, моего непосредственного начальника...

– А у вас какое звание? – перебила я его.

Ну, а что? мне любопытно. А он, между прочим, не представился, как положено.

– Майор юстиции, – ответил Егоров. – Можно продолжать?

– Продолжайте, господин майор юстиции, – церемонно разрешила я.

– Так вот, Вера Сергеевна ждёт ребенка и очень нервничает. Она позвонила родителям ночью, в истерике, что её муж пропал, не вернулся домой после встречи, на которую ушёл вечером. На телефонные вызовы он не отвечал, а сегодня утром и телефон выключился. И Сергей Кузьмич попросил меня приехать сюда и узнать, что смогу. Неофициально, понимаете? Потому что по закону должно пройти трое суток прежде, чем заявление примут.

– Угу. Понимаю, – я кивнула. – И кто у нас пропал?

– Начальник полиции города, подполковник Афанасьев, – помолчав, ответил мой гость.

Почему-то я совсем не удивилась.

Было чёткое ощущение, что колесо судьбы втягивает меня в какую-то странную, непонятную, неправильную историю. Более того, всё, что случилось за последние четыре месяца, начиная с аварии и заканчивая утренним визитом майора юстиции, всё это части одной истории. Куски одного пазла, если желаете.

Если я соберу картинку, я увижу, что на ней нарисовано. А мне это нужно?

Ладно. Я могу сейчас промолчать о том, что видела ночью и с сожалением развести руками: мол, нет, наврали вам, до-

рогой господин Егоров, не умею я искать.

А если Афанасьева убили?

Представив себе беременную женщину, вот так потерявшую мужа, я глубоко вздохнула и стала рассказывать гостю о луне, черёмухе и троих мужчинах, который прошли мимо меня в сторону Казанско-Преображенской церкви. И о свечах, которые там горели, кстати, тоже надо рассказать.

Когда я договорила, Егоров долго молчал. Потом с силой потёр лицо руками и проговорил:

– Господь свидетель, я хотел этого избежать! Вот изо всех сил старался!

Он полез во внутренний карман пиджака, и я напряглась. Смотрели мы кино по телевизору, видали, что там носят, под мышкой. Сейчас застрелит меня, и прощай, глупая недоведьма!

Но следователь достал из кармана картонную книжечку удостоверения в красной обложке и развернул передо мной. Я прочитала текст: Егоров Пётр Григорьевич...

– Вроде бы всё это я уже видела, – сказала осторожно.

– Угу, – согласился он. – А вот это?

Закрыв книжечку, положил сверху ладонь и что-то прошептал. Красная обложка поплыла и стала серебристо-серой, вроде бы даже слегка засветилась холодным светом, а внутри, на развороте, уж точно была светящаяся печать! И место работы было обозначено совсем другое: Отдел особых поручений при прокуратуре...

– Пояснения будут? – подняла я брови.

Всё было ясно и так, но мне интересно было, что именно господин следователь мне расскажет. Что ж, плюсику ему в зачёт, врать не стал. Или соврал так, что я не раскусила, а это ведь примерно то же самое?

– Вы ведь знаете, Анастасия Александровна, что публике известно далеко не всё? – сказал Егоров. – Вот это просто ещё одна тайна, которая неизвестна широкой публике. И узкой тоже.

– Вы хотите сказать, что существует специальное ведомство, занимающееся...

– Нестандартными ситуациями. Паранормальными явлениями. Ведьмами и колдунами, переступившими черту закона. Теми, кто приносит человеческие жертвы, пытаясь призвать и поставить себе на службу сущности из тёмной половины мира.

– Понятно... То есть, вы считаете, что нынче ночью в церкви вызывали что-то такое нечеловеческое?

– Пока что я вижу нестандартную ситуацию, а уж куда она нас приведёт – посмотрим.

Нас? Нас?!

– Позволю себе сказать, уважаемый Петр Григорьевич, что я в данном случае являюсь всего лишь свидетелем. Как и в прошлый раз, когда, на своё несчастье, нашла тело лодочника и по глупости об этом сообщила, – отчего-то я ужасно разозлилась и не нашла ничего лучше, чем вылить эту

злость на Егорова. – Прошу заметить, вполне добросовестным свидетелем! Могла ведь промолчать, и искали бы вы своего Афанасьева до морковкина заговенья! Вот ведь дура... – добавила, сникая.

Тут следователь сделал вещь вовсе уж неожиданную. встал из-за стола, подошёл ко мне сзади и положил ладони на плечи. Я напряглась, ожидая... не знаю, чего, каких-то неприятностей. Но ладони оказались тёплыми, и из них будто перетекали в меня спокойствие и сила.

– Вас что, не научили делиться энергией? – равнодушно спросил он, садясь на место.

– Некому было учить, – я пожала плечами. – Агния Николаевна оставила мне дом, хозяйство и тетрадь с записями, вот по этой тетради и учусь.

Вдруг я поняла, что мне ужасно не хватало возможности поговорить с кем-нибудь о новых моих способностях. Так почему не с этим человеком?

– Кстати, – немедленно спросила я. – То есть, некстати, но всё равно. А вы человек?

– А кто ж ещё? – опешил Егоров.

– Ну-у... Вон в романах фэнтэзи кого только не придумают. Орки, гоблины, оборотни, наги, даже трёхголовые церберы есть, и все разумные, и говорящие.

– Иногда я хотел бы стать трёхголовым цербером, – ухмыльнулся он. – Но увы, не дано. Поверьте мне, Анастасия Александровна, в нашем мире их нет. Может, когда-то и бы-

ли, но на сегодня есть люди, и всё. Обладающие или не обладающие некоей особой силой, но люди. Кстати, чтоб два раза не вставать, – тут он ухмыльнулся, и я вдруг поняла, что он ненамного меня старше, может, лет тридцать пять. – Почти доказано существование домовых и леших, но на ином плане реальности. То есть, для нас с вами они невидимы, неслышимы и неосятими, а мы не существуем для них.

– А как же тогда можно доказать, что они есть?

– А вы какие-нибудь элементарные частицы видели хоть раз? – вопросом на вопрос ответил он. – Но они же есть! И бога никто никогда не видел...

Тут Егоров вовремя замолчал. Потому что как раз теологической дискуссии нам и не хватало в девять утра.

– Боже мой, уже девять! – я схватилась за голову.

– А что, вам на работу?

– Хуже! Сегодня вторник, а по вторникам ко мне приходит бабка Марьяна за промыванием для глаз. И если она вас тут увидит, репутация моя будет разрушена начисто...

– Сейчас уйду, – подхватился Егоров.

– Сидите... – я махнула рукой. – Вы ж на машине приехали? И оставили её на улице перед домом? – Он кивал на каждый вопрос. – Все уже всё видели, обсудили, сделали выводы и вынесли приговор. Лучше поговорим по делу, а потом вы обойдёте соседей и зададите вопросы. Ну, там, в связи с открытием новых обстоятельств, а не видели ли вы покойного Бухвостова там-то и тогда-то.

– Да уж найду, что спросить, – проворчал следователь. – Вы так и не сказали мне, есть ли у вас работающий алгоритм поиска?

– Алгоритм, – передразнила я. – У меня есть серебряная миска, чистая вода, травы и набор слов. Бабка Марьяна придёт от половины десятого до десяти, так что мы с вами должны успеть.

* * *

До рези в глазах оба мы всматривались в воду, но понять ничего не могли. Вернее, не так: ясно было, что наш пропавший подполковник жив, и что он без сознания. Но в каком состоянии, а главное – где, это ни я, и Егоров разглядеть не смогли. Наконец я сдалась и погасила картинку. Вовремя, кстати: едва успела вылить воду и отнести миску на её место в лаборатории, как в дверь постучали.

– Марьяна Павловна, – поприветствовала я старуху. – Входите, прошу вас. Я уж забеспокоилась, всё ли с вами в порядке, обычно-то вы раньше приходите. Проспали?

– Да что ты, милая, разве ж я сплю? Так, подремлю полчаса, и ладно. А нынче ночью и вовсе спать не дали эти исчадья геенны, псы соседские. Уже под утро так лаяли, будто у Петровича не только всё из дома вынесли, а его самого прихватили... – тут она сама себя перебила. – А что это, я гляжу, гость у тебя? Может, я не вовремя?

– Да что вы, Марьяна Павловна, какой же это гость? Следовательно вон пришёл, опять про Сашку-лодочника расспрашивает и протоколы пишет. Сейчас, небось, по всем пойдёт с теми же вопросами...

– Да ты что? Опять? Так, Настя, давай мне поскорее капли мои, да я побегу: надо Варюшу предупредить, да и дома прибраться не мешало бы. Здра-авствуйте, – елейным тоном пропела бабка, вplывая в кухню.

Егоров, молодец, антураж подготовил и сидел за столом, набирая что-то в планшете.

– Здравствуйте. Госпожа Полякова, правильно? Я к вам через часок наведаюсь, если позволите, вы дома будете?

– Буду, конечно, господин следовательно, куда ж мне старые-то кости таскать по такой грязи? Пойду я, Настенька, пока дождь снова не принялся.

– Вот ваше промывание, Марьяна Павловна, – отдала я приготовленный заранее пузырёк. – Утром и вечером, вы помните?

– Ну, разумеется, помню, – и старуха резво выкатилась.

Когда за ней захлопнулась дверь, Егоров сказал неожиданно:

– Странно она говорит, эта ваша бабка Марьяна.

– Она не моя, – поправила я занудно. – А что странного?

– Говор такой, какого и ждёшь от полудеревенской старухи, а иной раз вдруг – и «разумеется», «исчадья геенны».

– Пётр Григорьевич, да какая ж она «полудеревенская»?

Марианна Полякова, актриса ростиславского театра драмы. Старейший в России театр, в середине восемнадцатого века основан, не слышали? Правда, уже лет двадцать, как она сюда переехала и постепенно превратилась в бабку Марьяну, но иногда эту роль забывает, и прорывается... то, что было. Актриса, красавица, образованная женщина...

– Чёрт... – Егоров огорчённо качнул головой. – Это я пропустил.

– Неважно. Она всё равно не имеет отношения ни к первому делу, ни ко второму. У Марьяны начинающаяся болезнь Паркинсона, она воду в стакан наливает двумя руками. Куда ей с ножом управляться или ночами по церквям шастать? А вот насчёт собак...

– Породистые псы?

– Скорее, хорошо выученные. Виктор Петрович, её сосед, на ростиславском городском рынке владеет мясными рядами, торгуют там его сыновья, а он вроде как отдыхает. Но хозяйство, сами понимаете, какое, и собаки зря гавкать не будут, не приучены. Значит, шли посторонние мимо, а уж кто и куда – этого, увы, собаки нам не скажут.

– А где этот Виктор Петрович живёт?

– На первой Овражной. Дом девять, рядом с бабкой Марьяной. Ладно, – я хлопнула ладонью по столу. – Пора вам уходить, Пётр Григорьевич. Уже все соседки, небось, губы покрасили и оделись в парадные джинсы, только вас и ждут. Да и мне есть, чем заняться. Завтра на дежурство, надо еду

приготовить...

И неожиданно для себя я сладко зевнула.

Весь день я вспоминала то, что увидела в воде и серебре, пытаюсь проявить мутную картинку.

Ну, а что ещё делать, пока сорок пять минут помешиваешь варево в кастрюле? Слушать музыку и думать. Включив что-то милое, кажется, Вивальди, я стала вспоминать.

Это был подвал... Нет, всё-таки правильнее будет сказать – полуподвал: свет проникал через окошки под самым потолком. И это явно место хранения... чего-то. Несколько огромных, неподъёмных несгораемых ящиков, какие скапливаются в каждой достаточно старой организации. Картотеки, деревянные конторские шкафы, откуда-то взявшаяся вдруг пара сундуков, древних, как мир. Мешки с узлом завязанной горловиной. Крашенные вечной грязно-зелёной краской стены.

Словом, чёрт знает что.

При этом было нечто знакомое в этом месте – то ли те самые полукруглые окна, то ли сводчатый потолок, – но что именно, я так и не смогла понять.

* * *

Дежурство на следующий день началось со скандала.

Кирилловская городская больница, куда я устроилась ра-

ботать, находилась в пятнадцати минутах неспешного хода от моего дома по приятной летней погоде – ну, или в пяти минутах на машине по распутице. Она помещалась в старом доме купца Бухвостова, двухэтажном, небольшом и уж точно не приспособленном для нормальной работы медицинского учреждения. Была в городе ещё больница «центральная районная», у которой и здание имелось лет на сто поновее (то есть, выстроенное ещё в семидесятые годы двадцатого века, тоже не вчера), и кое-какое оборудование, и относительно полный штат врачей. Но располагалась она на правом берегу, да ещё в паре километров от реки, так что я бы туда добиралась, как в Москве, час, а то и с лишним.

Зато нашему заведению повезло, причём повезло дважды. Во-первых, у нас было два главных врача. Ну, то есть формально, конечно, один, Алексей Петрович Воропаев. Вторым был его заместитель, Семён Маркович Кауфман. Эти двое удивительным образом сумели не разругаться, а поделили обязанности, и в этом было второе везение. Воропаев представлял во всяких инстанциях, занимался бумагами, виртуозно добывал для вверенного ему учреждения дотации, премии, мебель, оборудование, продукты, лекарства... А уж с тех пор, как он стал депутатом ростиславской областной думы, больница стала процветать, даже обрела длинную одноэтажную пристройку, где разместили процедурные кабинеты и несколько дополнительных палат.

Семён Маркович лечил.

Вообще по специализации он был травматологом, и в этом видел истинное своё призвание, но кто бы позволил одному из восьми врачей больницы оставаться в столь узких рамках? А Кауфман был ещё и гениальным диагностом. По каким-то неуловимым для других признакам он находил правильную причину заболевания, вытаскивал её на свет божий, препарировал и побеждал. Во всяком случае, только работая с ним, я начала понимать, как мало я пока знаю и умею.

А, было и третье везение: когда началась пандемия, под ковидных больных отвели ту самую районную больницу, что на правом берегу, а мы продолжали лечить как всегда, объявив себя «зоной, свободной от вируса».

Так вот, шестого мая Кауфман делал обход, а я и медсестра Лена двигались в арьергарде.

Семён Маркович быстро осматривал больного, пальпировал или резко тыкал пальцем куда-нибудь, порой задавал вопросы. Потом смотрел на меня, я согласно кивала или пожимала плечами, мол, нет, не понимаю. Тогда он начинал объяснять, и мне казалось, даже птицы за окном замолкали, чтобы ни слова не пропустить.

Леночка записывала назначения, и мы трогались дальше. Начинался обход со второго этажа, где в старых жилых комнатах бухвостовского дома устроены были палаты. Потом наша маленькая процессия спускалась по необыкновенной красоты лестнице (иногда я позволяла себе погладить пальцами разноцветный витраж, жар-птицу в высоком лест-

ничном окне) и шла в «новый корпус», иначе говоря, пристройку.

Вот в одной из палат пристройки скандал и начался.

Вчера поздним вечером привезли старуху, Тамару Васильевну Емельянову, с сильнейшим гипертоническим кризом. Чудом до инсульта дело не дошло. Привёз её сын, тоже не сильно молодой человек, выслушал, что нужно привезти наутро, и удалился.

А утром не пришёл.

Уже потом выяснилось, что ночью в собственном дворе он попросту споткнулся и вывихнул ногу. Потом – это когда он дозвонился соседям, и они, уже в обед, принесли бабке Емельяновой сумку с тапками, ночной рубашкой, чашкой и прочими необходимыми предметами.

А сейчас, утром, когда мы вошли в палату, Емельянова лежала на голой клеёнке в драной рубашке и плакала. Над ней стояла сестра-хозяйка, расплывшаяся бабища лет сорока пяти, и, уперев руки в боки, орала что-то насчёт голытьбы и того, что надо свои простыни иметь, на всех тут она выдавать не обязана.

Гнусная тётка промахнулась: она работала у нас недавно, и ещё не поняла, что палатами в пристройке Кауфман обход заканчивает. Она-то рассчитывала, что никто из врачей не появится...

Я почувствовала, как у меня глаза заливают жаром, и готова уже была шарahnуть по ней настоящим ведьминским

проклятием, но меня опередил Семён Маркович.

– Что здесь происходит, Ираида Степановна? – спросил он ледяным тоном.

Мы с Леночкой переглянулись и придвинулись к его невысокой фигуре.

– Так это... – сестра-хозяйка ткнула пальцем в старуху. – Вот, притащили бабуку, ни белья, ни чашки-ложки с собой нет. А и у меня нету лишнего! Не напасёшься на них! Она под себя ходить будет, а я бельё меняй?

– Вон, немедленно! – тихо приказал Кауфман.

Тётку вынесло в коридор, Семён Маркович кивнул мне, и я вышла следом, ещё услышав краем уха, что он заговорил с Емельяновой каким-то особенным воркующим голосом.

– Ираида Степановна! – окликнула я сестру-хозяйку, спешащую к лестнице. – Не спешите, пожалуйста.

– А что такое? – она быстро обрела равновесие. – У меня дел полно, некогда тут...

– Мы сейчас с вами пойдём на склад и проверим, чего именно в больнице не хватает. А потом напишем докладные на имя главного врача, я – с информацией, а вы с объяснениями, что и куда делось.

– Да ты кто такая? – взвилась тётка.

Я даже оторопела: может, она и правда не знает, кто я? Или не верит?

– А вы не знаете? Могу представиться, Анастасия Александровна Шахова.

– И что? Поду-умаешь, фершелица какая-то!

Вот ей-богу, так и сказала, намеренно коверкая слово! В моих ушах зазвучали слова Агнии Николаевны: «Тебя должны уважать и бояться. Уважать те, кто понимает, бояться – все остальные. Никогда, ни перед кем не отступай ни на шаг».

Ласково улыбнувшись, я спросила:

– Ты, Ираида, сама-то в таком состоянии, как больная Емельянова, не бывала, нет? Гипертония тебя не накрывала? Ну, попробуй тогда, две минуты тебе для начала...

И прошептала заклятие. Лицо сестры хозяйки налилось кровью, рот пополз вбок, она захрипела и стала сползать по стене. Я даже испугалась, что переборщила, и буду теперь до конца дней каяться в убийстве...

* * *

В подвал, где находился склад, мы спускались всё-таки втроем: впереди шла сестра-хозяйка, теперь бледная до зелени, следом я, замыкал шествие Семён Маркович. Подумав, я сочла разумным попросить его о помощи, при осмотре сокровищ Ираиды Степановны нужен свидетель, и такой, к словам которого прислушаются. Леночка бы явно не котировалась...

Она долго возилась с дверным замком, вздыхала, вынимала и снова вставляла ключ, дёргая им в скважине. Наконец

мне это надоело, да и доктор Кауфман начал посматривать на часы.

– Помочь? – поинтересовалась я.

Ключ скрежетнул в замке, и дверь отворилась. Мы вошли в склад.

Полукруглые окна под самым потолком!

Боже ж ты мой, это же тот самый подвал, который я видела вчера во время поиска! Значит, потерянный подполковник должен быть где-то здесь? И хорошо ещё, если он жив, после суток с лишним в промозглой темноте...

Ираида что-то бубнила насчёт прав человека и жалобы в облздрав, и я рявкнула:

– А ну, тихо все!

В воздухе повисла тишина, и я различила чуть слышное хриплое дыхание за одним из мешков – справа, прямо у входа, на границе света и тьмы.

Не знаю уж, откуда взялись у меня силы, но ту кучу, которой был завален человек, я расшвыряла почти мгновенно. Дышал он тихо, но при каждом вдохе внутри что-то хрипело, а при выдохе – булькало. Лицо было бело, как бумага, и, если бы я не знала, что это должен быть Афанасьев, в жизни бы его не узнала.

Кауфман отодвинул меня в сторону, потрогал пульс на горле, покачал головой и поднял взгляд на Ираиду:

– Что стоишь? Санитаров, срочно!

Сестра-хозяйка вымелась и почти сразу вернулась с един-

ственным имевшимся на сегодня санитаром, мощным и неразговорчивым Васей. В руках Вася тащил носилки, но посмотрел на лежащего, отставил их в сторону и сказал:

– Я лучше так.

Не успели мы ничего сказать, как он подхватил Афанасьева на руки и почти побежал к лестнице. Семён Маркович ему в спину крикнул:

– На второй этаж его, в пятую палату!

Примерно через час стало ясно, что в этот раз подполковнику Афанасьеву повезло. Целых три раза.

Для начала его ударили ножом точно так же, как до этого лодочника, в правый бок, рассчитывая попасть в печень. Но... оказывается, есть польза и в лишнем весе. Подполковник его нагулял килограммов тридцать (как только Вася дотащил тело до палаты?), и нож до нужного органа попросту не достал.

Далее, сутки Афанасьев провалялся в холодном подвале, но до пневмонии дело не дошло. Мешки с тряпками, которыми он был завален, спасли его от переохлаждения.

Ну, и, наконец, он попал в руки Семёна Марковича, а из них на тот свет уходят редко и то, только после долгой борьбы.

Когда Кауфман отдал распоряжения медсёстрам и отошёл от кровати, я поймала его за рукав и потянула в сторону.

– Семён Маркович, вы его узнали?

– Я что, должен был? – выпятил нижнюю губу заместитель главного врача.

Судя по всему, устал он до полусмерти.

– Пойдёмте, я вам чаю заварю, с травками, и всё расскажу.

Поддерживающий сбор я держала у себя в шкафчике. Добавила ложку смеси к чёрному чаю, настояла десять минут и разлила по чашкам. Конечно, ту же гинкго надо бы настаивать три часа, но нет у меня этого времени, и сбегать домой за правильно приготовленным настоем я не могу.

Доктор Кауфман слегка порозовел и посмотрел в свою чашку с интересом.

– И чем это ты меня напоила?

Я перечислила ингредиенты:

– Китайская камелия, родиола розовая, зверобой, шалфей и листья гинкго билоба.

– Интересно... Поговорим как-нибудь на эту тему.

– Поговорим.

– Так кто этот раненый, и как он оказался заперт в нашем подвале?

– Вы будете смеяться, – вздохнула я. – Но это начальник полиции города Кириллова подполковник Афанасьев. И я понятия не имею, кто и зачем притащил его в наш подвал. А сейчас я позвоню человеку, который его вчера искал и опрашивал всех моих соседей...

Для разнообразия, господин майор юстиции появился у меня в доме не к завтраку, а к ужину.

Афанасьева – ура-ура! – забрали в ведомственный госпиталь уже к вечеру, так что ночь прошла в штатном режиме. Мне даже удалось подремать часа четыре.

После дежурства я поспала ещё немного, а дальше пошла нормальная жизнь: прибраться, сварить борщ и навертеть голубцов, приготовить смесь из дозревших настоек... Наконец, заварила чай и села, собираясь поесть. Вот тут-то в дверь и постучали.

В общем-то, Егорова я ожидала. Понятно было, что он появится, да и о чём пойдёт разговор, тоже догадаться было не трудно. Поэтому я лишь кивнула в ответ на пожелание доброго вечера и спросила:

– Борщ будете?

– Буду.

Вот ей-богу, серые глаза его сверкнули так, что я невольно отступила на полшага. Хоть и утверждал Пётр Григорьевич, что оборотней не существует, но похож сейчас был именно на оголодавшего матёрого волка.

Борщ и голубцы улетели со свистом, к чаю я подала позавчерашние слегка зачерствевшие плюшки, но и они ушли на ура. В общем-то, всё было понятно: господин майор, похо-

же, не женат. Следовательно, кормится, в лучшем случае, в столовых, а в худшем – потребляет, извините за выражение, «Доширак». Прямо на рабочем месте.

Так что домашняя нормальная еда его сюда притягивает, а уж никак не моя несравненная красота...

– Теперь рассказывайте, – приказал Егоров, залпом допив чай.

С неммым укором я приподняла брови.

– Ну да, спасибо! Моя благодарность будет безграничной в пределах разумного, – отмахнулся он. – Как вы ухитрились найти Афанасьева?

– Чисто случайно. Да-да, не ухмыляйтесь так скептически! Я в этот подвал пришла второй раз за полтора месяца работы в больнице. Причём первый был, когда старшая сестра показывала мне больничное хозяйство. Тогда я только во дверь заглянула, иначе запомнила бы эти полуокна.

– А вчера зачем пошли?

– От злости, – ответила я чистую правду, а потом коротко обрисовала наше столкновение с сестрой-хозяйкой.

– И?..

– И поняла, когда вошла туда, что именно это помещение я видела, пытаюсь вашего подполковника найти.

– Он не мой, а, скорее, ваш. Кирилловский.

– Хорошо, нашего. Всё равно. Велела всем заткнуться и услышала его дыхание, вот и всё. Дальше вам надо благодарить гениального врача, доктора Кауфмана, который под-

полковника спас.

– Даже не сомневайтесь, его мы поблагодарим, – ответил Егоров и, помолчав, добавил раздосадовано. – Но вы-то каким образом оказались снова на месте происшествия?

– У нас маленький город, – пожалала я плечами. – Тихий маленький город.

Чтобы занять чем-то руки, я заново поставила греться воду, сполоснула заварочный чайник, отмерила пару ложек чая, пол-ложки зверобоя, несколько вишнёвых и смородиновых листьев... Майор смотрел на меня и опять молчал.

– Вы сегодня неразговорчивы, – сказала я, чтобы разрушить, наконец, эту тишину. – Что там происходило, в церкви, не выяснили?

– Дьявола вызывали, – зло буркнул он в ответ.

Зазвенела ложка, которую я уронила на тарелку.

– Да ладно?

– Специалисты осмотрели место. Знаки на полу, кострище, в нём – обгорелый скелет кошки... Типичное место проведения ритуала.

Я села и взялась за виски.

– Слушай, но это же чушь! – забывшись, перешла на «ты», однако майор не стал меня поправлять. – Какой ритуал сатанистов может быть проведён в древней, намоленной, действующей церкви? Какая тёмная сущность сунется в такое место?

– Совсем забыл, что ты пока ничего про это не знаешь, –

невесело усмехнулся Егоров. – Конечно, большинство людей и не узнает никогда ничего такого, но тебе надо. Видишь ли, есть сущности, которым наплевать на святую воду и намоленные места. Они просто жрать хотят, вот и всё.

– Ты хочешь сказать, что от них не поможет ни крест, ни обережный круг? – спросила я севшим голосом.

– Прости, а от тебя поможет? Ты же ведьма, тоже магическое существо!

– Ну-у... Обережный круг – смотря какой, они разные бывают, а крест... – я вытянула простенькую серебряную цепочку, на которой висел мамин кипарисовый крестик. – Вот. Я его ношу постоянно.

– Ага. И я о том. Поэтому тебе нужно учиться защищаться, согласна?

– Конечно.

– Хорошо. То есть, плохо, вообще-то, уже к полуночи идёт, я устал, как собака... – он потёр ладонями лицо. – Давай так: я дам тебе пару... предметов, которые ты будешь носить, не снимая. Как можно ближе к коже. Поняла?

– Да.

– Сейчас... – Егоров покопался в карманах пиджака и извлёк монетку.

Обычную монетку. Ладно, не очень обычную: она была серебряной, на аверсе красовался какой-то полустёртый профиль, а над ним была просверлена дырочка.

– Надеваешь на цепочку или шнурок... Да вон, хоть к кре-

стику повесь! Давай, помогу.

Он зашёл мне за спину и аккуратно расстегнул цепочку. Холодные пальца коснулись моей шеи, и я почувствовала, как по спине побежали мурашки. Егоров же нацепил монету и отдал мне всю связку.

– Держи, надевай, – я послушно завела руки за голову и застегнула замочек. – Вот второй предмет, с этим чуть сложнее. Тебе руки приходится мыть постоянно, где-нибудь снимешь и забудешь на раковине, а такие вещи оставлять нельзя.

На его ладони лежало кольцо – довольно широкое, плоское, словно сплетённое из серебряного кружева. Я попыталась присмотреться, мне показалось, что извивы проволоки складываются в слова. Но в глазах сверкнуло, и моментально заболел левый висок.

– Потому что нечего, это не газета «Известия», чтобы читать, – назидательно погрозил мне пальцем Егоров. – Так что делать будем, попробуешь на руке носить, или туда же на цепочку повесим? Лучше бы на руке, чтобы максимально расширить защитное поле.

– Всё равно при манипуляциях перчатки приходится надевать, так что давай, пристрою на палец и снимать не стану. Да, погоди! – я наморщила лоб, соображая. – Мне иной раз надо кое-что делать... в натуральном виде. Только в рубашке, и чтобы никакого металла не было. Я для этих случаев и крестик снимаю. И как быть с твоими предметами?

– Ты имеешь в виду, когда зелья варишь?

– Ну да.

– Делаешь ты это в доме?

– А где ж ещё?

– И перед этим обережный круг строишь и всё прочее проделываешь, что положено?

– Да.

– Тогда на это время обереги можно снимать. Дом на тебя завязан, он тебя защищает.

– Ладно.

Я надела кольцо на безымянный палец правой руки, и оно село неощутимо, словно носилось именно здесь всю мою жизнь. Вспомнив, что совсем недавно именно на этом месте было другое кольцо, обручальное с огромным бриллиантом, я потёрла палец и усмехнулась.

– Мешает? – в голосе майора прозвучала озабоченность.

– Нет, всё в порядке.

– Ладно. Тогда давай поговорим о месте происшествия, а также о магических тварях и ритуалах.

– О башмаках и сургуче, о королях и капусте... – вздохнула я. – Может, завтра?

– Завтра пятница, рабочий день. Мало того, дальше у нас выходные плюс праздники. Восьмое и девятое мая. Надо пояснить?

– Не надо, – вздохнула я. – Мне дежурить девятого. Я точно знаю, что к вечеру у нас побитые личности и в коридорах,

и в процедурных будут лежать.

– Поэтому мне сейчас надо было бы ехать домой и поспать хотя бы что осталось, – снова взглянул на часы и поморщился.

– Могу положить в гостиной, там есть диванчик.

– И ехать утром по забитой дороге? Нет уж, спасибо. Ночью я домчу легко и быстро, а к вам приеду в субботу, восьмого. Постарайтесь до тех пор себя побереечь, Анастасия Александровна.

– Буду стараться, Пётр Григорьевич, – вздохнула я.

За майором захлопнулась дверь.

Через несколько минут я услышала, как где-то вдалеке завёлся мотор.

«Ага, на сей раз, машину он оставил у детского сада, – усмехнулась. – Бережёт мою репутацию! Ну что же, расходует остатки соли на защитный круг и ложимся спать. Завтра новый день, вот интересно, какие приключения он мне готовит?»»

Часть 3

Муж и его жена

Если б накануне я знала, какие именно приключения ожидают меня в пятницу, седьмого мая, я бы с самого утра из дому не выходила. С другой стороны, если б мы при рождении могли предвидеть все неприятности, которые встретим в жизни, никто бы на этот рискованный эксперимент и не согласился...

Но пойдём по порядку.

Утром я безбожно проспала всё на свете: птичий концерт, рассвет, лёгкий дождик, перебранку соседей за забором... Проснулась аж в половине одиннадцатого, чрезвычайно довольная собой, своей жизнью и начинающимся днём. Позавтракала, вымыла посуду и натянула «хозяйственные» джинсы: в планах был огород. Пора было сажать на открытые грядки всяческую зелень, особенно ту, что идёт в аптечные сборы, да и редиской с морковкой пренебрегать не стоило. Своя собственная редиска из грядки – это вам не жгучие твёрдые шарики, привезённые зимой из Израиля или какой-нибудь Аргентины. А ещё меня ждали два парника: огурцы, помидоры, фасоль.

Всё прочее, в том числе цветы, отложила до тех пор, когда земля прогреется.

Когда последнее семечко легло в ямку, я положила на землю ладони, закрыла глаза и забормотала слова, такие древние, что и смысл их уже угадывался с трудом. Потом распрямилась, посмотрела на небо – ага, лёгкая тучка закрыла солнце, но вроде дождя не должно быть.

– Вечером вас всех полью, – пообещала грядкам. – А сейчас пойду и разогрею остатки борща!

В дверь заколотили в тот момент, когда я подбиралась к креслу-качалке с мыслью расположиться в нём, и до позднего вечера читать какую-нибудь ерунду поувлекательнее.

– Ну вот даже интересно, кому я понадобилась так срочно? Приличные люди сейчас, не разгибаясь, картошку сажают, – бубнила я, набрасывая на плечи меховую жилетку.

На пороге стояла Наталья Петровна, медсестра из нашей больницы. Мы с ней встречались пару раз в месяц, поскольку она работала в нормальном графике, с восьми до четырёх каждый рабочий день, а я устроилась дежурантом.

– Настя! – выдохнула она. – Беда!

– Что случилось?

– Кауфман заболел!

– Что с ним?

Наталья пугливо оглянулась и бочком вдвинулась в мою прихожую. Потом захлопнула за собой дверь, вцепилась в полы моей жилетки и зашептала:

– Ковид у него! Температура зашкаливает, еле дышит...

– Тест сделали?

– Боятся все... – она опустила глаза. – А вдруг помрёт, кто работать будет? Да и... страшно.

– Почему ко мне-то пришла? Я не врач и не начальство...

– Так все знают, что ты можешь! Меня Ираида прямо в двери и выпихнула, иди к Насте, говорит, если кто и поможет, так это она...

Я слушала через раскрытую дверь, складывая в специальную сумку пузырьки с настойками. Брала их с полок и из холодильника, даже не задумываясь, словно Агния Николаевна вела мою руку. Потом достала из потайного ящика тетрадь и просмотрела последние записи в ней, чтобы, не дай бог, не забыть слова заговора и не перепутать что-нибудь. Убрала тетрадь, вышла в прихожую, где всё так же мялась Наталья Петровна, и сказала:

– Пойдём.

Обычно дорога от дома до больницы занимает у меня минут пятнадцать. Обратное – больше. На обратном пути ближние и дальние соседи не только здороваются, но и останавливаются, чтобы посоветоваться или спросить о какой-то травке, сборе или настойке из тех, что делала ещё Агния Николаевна.

Сегодня я добежала за семь минут. Уже на крыльце сказала пыхтящей за мной Наталье:

– Тест принесите мне, срочно. Кауфман в какой палате?

– Да в его же кабинете и положили...

Я бежала по лестнице через ступеньку, и в голове у меня крутилась страшная мысль: если это ковид, то началось всё гораздо раньше. Афанасьева позавчера вечером увезли в Ростиславль, и наверняка вирус уехал с ним вместе. Нас закроют на карантин к чертовой матери...

Натянула респиратор, перчатки, и вошла в кабинет заместителя главврача.

Да-а, Кауфман был сильно нехорош. Поверхностное дыхание, хрипы, температура явно под сорок... Что ж эти девки, ничего не делали, что ли? Первый пузырьёк, второй... Смешать в мерном стакане по двадцать капель, долить водой до ста миллилитров. Теперь надо взять чайную ложечку и поить.

В двери бочком вдвинулась Ираида. Так и не входя полностью, протянула мне коробочку.

– Анастасия Александровна, вот тест, самый новый, только неделю назад привезли.

Двадцать минут я по капле вливала в Семёна Марковича своё снадобье, и с радостью отмечала, что ему становится лучше. Чуть-чуть, но лучше. Теперь он и дышит легче, и красные пятна на скулах почти исчезли. Наконец айфон просигналил, что время подошло, и я с замиранием сердца глянула на пластиковое окошечко.

Выдохнула.

Подошла к двери, распахнула её и громко сказала:
– Тест отрицательный.

Рентген показал здоровенное затемнение в правом лёгком и все положенные к этому гадости. Как уж Кауфман, врач от бога, упустил у себя развитие пневмонии?

Не знаю. Про соринку в чужом глазу и прочие глупости всем известно, так что не моё дело осуждать.

Моё дело – придти вовремя, как бы пафосно это ни звучало.

Ну да ладно, день пошёл криво, будем надеяться, вечер не подведёт. У меня на него планы.

Май на дворе, самое время для сбора трав. Всё, что упустишь в мае, летом не наверстаешь. И сегодня я планировала наведаться в тот же Большой овраг, но на сей раз собрать травы, требующие вечерней росы. Выпадает она как раз перед закатом, так что часов в восемь нужно идти.

В овраге я провозилась до половины десятого, так что поднималась уже в полной темноте. Сознаюсь, сердце моё замерло к концу тропинки, в том месте, где неделю назад я обнаружила мёртвого лодочника. К счастью, сегодня никто таких сюрпризов не приготовил, и я спокойно вышла к своему дому. Перед тем, как войти в калитку, посмотрела в сторону оврага и удивилась: на противоположной его стороне в окнах

большого белого дома горел свет.

– Вот-те на! – пробормотала я. – Это что же, в господском имении хозяева появились? Или купил кто?

Ещё в первые дни моей жизни в Кириллове, когда я только знакомилась с городом и его обитателями, соседка Варвара меня просветила: дом на той стороне оврага принадлежал когда-то здешнему предводителю дворянства, Михаилу Александровичу Замятину. После революции старый дом успел побыть клубом, школой, общежитием для работниц, потом долго ветшал, и, наконец, пару лет назад его начали ремонтировать.

– То есть, хозяин у дома есть? – спросила я тогда у Варвары.

– Есть-то он есть, – ответила она таинственным голосом, – да только никто его не знает. Говорят всякое – и ростиславский мэр, мол, купил, и какой-то миллионер, а только сюда этот самый хозяин – ни ногой. Рабочие вот ремонтируют, но внутрь не пускают никого.

Ну, не пускают – и не надо, не больно то и хотелось. В памяти, доставшейся мне от Агнии Николаевны, смутно отложились высокие колонны на фасаде, потолки с лепниной и чудесный вид на Волгу из окон. Кто-то болел в том доме лет тридцать назад, вот её и приглашали посмотреть-полечить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.